

ИЮНЬ: ДЫМ ИЗ СНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ви Мун

18+

Планы на лето

Ви Мун

Июнь: Дым из снов

«Автор»

2026

Мун В.

Июнь: Дым из снов / В. Мун — «Автор», 2026 — (Планы на лето)

31 день, 31 запись. Лето, что должно было всё изменить. Артёму 27, он врач скорой. Она — его фельдшер и его боль. Познакомились в бригаде, спасали чужих, пока авария не перевернула их жизни. Он очнулся в реанимации, увидел её слёзы — и поверил в судьбу. Съехались, купили торшер, повесили гирлянду. Но он вернулся раньше и нашёл чужие кроссовки. Прошло полгода. Война без объявления: проверка телефона, ложь, ссоры, перекуры. Секс — как процедура. Но иногда вспыхивает тепло. И это хуже всего — не даёт уйти. В апреле Артём записал: «Планы на лето: 1. Бросить тебя. 2. Бросить курить». 31 мая. Завтра лето. Он ещё с ней. И ещё курит. Эта книга — дневник июня. Между попыткой начать новую жизнь и страхом одиночества. Между вызовами, где чужая смерть спасает от своей боли. Между крышей с первым поцелуем и кухней с разбитой надеждой. «Июнь: Дым из снов» — первая часть трилогии «Планы на лето». История любви-зависимости, людей, которые не умеют отпускать, и лета, пахнущего ванилью, дымом и концом..

© Мун В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
31 мая, ночь. Последний день весны	5
1 июня. Нулевой километр	7
2 июня, вечер. Запах её волос	9
3 июня, ночь. Планы, которых нет	11
4 июня, вечер. Воскресная тишина	13
5 июня, ночь. Остывший кофе	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ви Мун

Июнь: Дым из снов

ПРОЛОГ

31 мая, ночь. Последний день весны

Не знаю, зачем я это пишу. Наверное, потому что пациенты в скорой не слушают, а только стонут или молчат. Наверное, потому что Яна спит в нашей комнате, а я не могу спать уже третью ночь. Наверное, потому что слова, сказанные вслух, становятся правдой, а написанные — ещё можно стереть. Или зачеркнуть. Или притвориться, что их не было.

Меня зовут Артём. Мне Двадцать семь лет. Врач скорой помощи. Четыре года назад я думал, что спасение других — это способ не думать о себе. Сейчас я понимаю: я просто бежал. Сирена, мигалка, адреналин — лучший наркотик, чтобы заглушить собственный вой. Но смена заканчивается, и вой возвращается. Имя этого воя — Яна.

Она фельдшер. Мы познакомились два года назад, когда нас поставили в одну бригаду. Я тогда только перевёлся на эту подстанцию — после того как мой предыдущий напарник ушёл в запой и не вышел из него. Мне дали Яну. Сказали: «Опытный фельдшер, сработаетесь». Я скептически хмыкнул. Опытный фельдшер — обычно это уставшая тётка за сорок с прокурренным голосом и цинизмом вместо крови. Я ошибся. Вместо тётки в машину села девушка с пепельно-розовыми волосами, серыми глазами и взглядом, который говорил: «Я здесь не для того, чтобы нравиться».

Первые полгода мы были просто коллегами. Отличными коллегами, надо сказать. Она знала своё дело: вены находила с закрытыми глазами, давление мерила быстрее, чем я успевал достать фонендоскоп, и умела успокоить даже самого буйного алкаша парой фраз. Мы работали как единый механизм. В машине почти не разговаривали, только по делу: «давление 80 на 40», «готовь адреналин», «поворачивай налево, там пробка». После смены расходились молча. Я не знал о ней ничего: где живёт, с кем, что любит. И она обо мне — тоже.

Всё изменилось в ноябре. Та авария.

Я не помню самого удара. Помню только, как мы возвращались с вызова, пустые, без пациента. За рулём был Саня, наш водитель, мужик лет пятидесяти, спокойный и надёжный. Я сидел на переднем пассажирском. Яна — сзади, что-то заполняла в планшете. Мокрый асфальт, поздний вечер, фура на встрече пошла на обгон. Саня вывернул руль, пытаясь уйти от лобового. Машина перевернулась. Дальше — темнота.

Очнулся в реанимации через две недели. Кома, сказали потом. Отёк мозга, перелом трёх рёбер, разрыв селезёнки, ушиб сердца. Я не помнил ни аварии, ни первых дней в больнице. Но помню, как открыл глаза и увидел её. Яна сидела на стуле у моей койки. Волосы собраны в небрежный пучок, под глазами синяки от недосыпа, в руках — пластиковый стаканчик с кофе. Она смотрела на меня и молчала. А потом сказала: «Ты придурок. Я думала, ты сдохнешь». И заплакала.

Это были первые слёзы, которые я видел у неё за полгода совместной работы. И, наверное, именно тогда я понял, что пропал. Она сидела в этой палате каждый день. Не как коллега — как кто-то гораздо ближе. Приносила бульон в термосе, читала вслух новости, ругалась с врачами, когда ей казалось, что меня плохо лечат. А когда меня перевели в обычную палату, она пришла с букетом ромашек — нелепых, из супермаркета, — и сказала: «Если ты ещё раз

сядешь в машину в дождь, я тебя сама убью». Мы оба засмеялись. Это был наш первый смех не про работу.

Мы начали встречаться. Сначала неловко, как подростки: кофе после смены, прогулки в парке, разговоры ни о чём. Потом — первый поцелуй на той самой крыше, куда она меня привела, когда я смог нормально ходить. Она сказала: «Я прихожу сюда, чтобы не считать этажи». Я тогда не понял, но запомнил. И в тот вечер, целуя её на фоне заката, я был уверен, что нашёл свою половинку. Не в пошлом смысле — а в том, настоящем: когда два человека собраны из одинаковых трещин, и их осколки подходят друг к другу.

Мы съехались через три месяца. Сняли эту квартиру — убитую двушку на окраине, с балконом и видом на парковку. Сделали косметический ремонт, купили дурацкий торшер в виде кактуса и повесили гирлянду на балконе. Было хорошо. Правда, было. Мы возвращались после смен, падали в кровать, ели пельмени и смотрели сериалы. Иногда ссорились из-за мелочей, но быстро мирились. Я верил, что так будет всегда.

Я ошибался.

Прошлой осенью что-то сломалось. Я вернулся со смены раньше — температура под сорок, сняли с линии. Открываю дверь своим ключом. В коридоре — чужие мужские кроссовки. Размер сорок четвёртый. Не мой. В кухне — она и какой-то парень. Пили чай. Не целовались, не обнимались. Просто сидели. Но я увидел её глаза. Тот самый взгляд — интерес, азарт, предвкушение. Так она когда-то смотрела на меня в реанимации, когда я очнулся.

Я не стал закатывать сцен. Просто развернулся и ушёл. Курил на детской площадке под дождём, пока она не позвонила. «Это друг», «ничего не было», «ты всё не так понял». Я хотел поверить. Очень хотел. Но с того дня включился счётчик. Я начал проверять её телефон. Она начала позже возвращаться. Ссоры стали напоминать допросы. Я превратился в ревнивого параноика. Она — в загнанного зверя, который врёт даже в мелочах, лишь бы избежать скандала.

Мы пытались склеиться. Ездили в Питер на Новый год, гуляли, целовались. Но дома всё возвращалось. Её сообщения «скучаю по нашим разговорам» тому самому «другу». Мои истерики. Её слёзы. Разбитая кружка, которую она швырнула в стену, когда я в очередной раз спросил, где она была. Та самая кружка — с дурацким кактусом, которую мы купили вместе.

Сейчас конец мая. Мы всё ещё вместе. Живём в одной квартире, спим в одной постели, пьём один кофе по утрам. Но между нами — минное поле. Мы научились молчать. Это безопаснее. Молча курить на балконе. Молча смотреть в телефоны. Молча заниматься любовью, которая стала не актом близости, а способом заткнуть пустоту.

В апреле, после ссоры из-за разбитой кружки, я открыл заметки в телефоне и написал: «Планы на лето: 1. Бросить тебя. 2. Бросить курить». Перечитывал каждый день. И каждый день откладывал.

Завтра первое июня. Лето — это всегда иллюзия новой жизни. Может, в этот раз получится.

Я сижу на балконе, курю и смотрю на мокрый асфальт. Дождь кончился. Яна спит. В комнате пахнет её ванильным шампунем и нашим общим дымом. Я достаю телефон, открываю заметку. Ничего не меняю. Просто закрываю.

Хотя бы начал этот дневник. Уже шаг.

1 июня. Нулевой километр

Проснулся от солнца. Яна забыла задёрнуть шторы — или специально оставила. Она любит просыпаться от света, говорит, это единственный способ не чувствовать себя разбитой после суточных смен. Я так не умею. Мне нужна темнота, тишина и минимум полчаса, чтобы понять, кто я, где я и зачем.

Первое утро лета. 7:42. Выходной. Смена только завтра. Лежу и смотрю на неё. Во сне она беззащитная. Ресницы подрагивают, губы приоткрыты. Ни косметики, ни брони. Та самая девочка из скорой, которая сидела у моей койки в реанимации и плакала. Если забыть про чужие кроссовки, про её «скучаю по нашим разговорам», про её взгляд в сторону, когда я задаю прямой вопрос. Если ампутировать память — можно представить, что мы счастливы.

Встал, стараясь не разбудить. На кухне закурил. Да, с утра. Знаю, что врач не должен. Но к чёрту. Кофе, сигарета, открытое окно. Лето пахнет мокрой листвой после ночного дождя и бензином от пробки. В такое утро хочется верить, что всё можно обнулить. Нулевой километр.

План на сегодня: не курить до вечера. Не проверять её телефон. Не думать о том, где она была во вторник, когда сказала «задержусь на подстанции — отчёт». Просто прожить день. Приготовить ужин. Посмотреть фильм. Сделать вид, что мы нормальная пара.

Яна проснулась в десять. Вышла на кухню в моей старой футболке с надписью «Скорая — не работа, а диагноз». Волосы в разные стороны, глаза опухшие. Молча налила кофе, села напротив. Закурила. Мы сидели и курили в тишине. Это наша версия «доброе утра». Раньше мы целовались, едва открыв глаза. Теперь — только дым.

— У тебя выходной? — голос хриплый спросонья.

— Да.

— Планы?

— Думал ужин приготовить. Посидим как люди.

Она хмыкнула. «Как люди» в нашем лексиконе означает «как те, у кого нет войны внутри». У нас война. Мы давно не сидим «как люди». Мы сидим как два раненых зверя в одной клетке, которые боятся подойти слишком близко, чтобы не добить друг друга.

Днём пошёл в магазин. Купил пасту, помидоры, базилик, бутылку красного. И новую пачку сигарет, хотя обещал себе не курить до вечера. На кассе увидел пару — они смеялись, выбирая мороженое. Девушка тыкала пальцем в стекло, парень обнимал её за плечи. Защемило в груди. Не от зависти — от памяти. Мы были такими? Или я сам придумал наши лучшие дни, а на самом деле они всегда были с трещиной?

Вечером готовил пасту. Яна сидела на подоконнике с бокалом и смотрела в телефон. Я резал помидоры и думал: «Не спрашивай, с кем она переписывается. Не спрашивай». Но рот открылся сам:

— Кому пишешь?

— Ленке. Спрашивает, поедем ли на шашлыки в субботу.

— Поедем.

Она удивлённо подняла брови. Обычно я отказываюсь от любых выездов — невыносимо изображать счастливую пару перед её подругами. Но сегодня я решил попробовать. Нулевой километр.

Ужин прошёл почти нормально. Даже посмеялись над пересоленным соусом. Яна сказала: «Зато не пресно». Почти флирт. Я поймал себя на мысли, что всё ещё хочу её. Не просто физически — хотя и это тоже, — а всю. Её смех, её запах, её привычку морщить нос, когда она врёт. Даже её ложь я хочу. Потому что это часть неё. А она — часть меня.

После ужина она мыла посуду, я стоял рядом и вытирал. Случайно коснулся её руки. Она не отдернула. Маленькая победа.

Потом был секс.

Я даже не понял, как это началось. Она выключила воду, вытерла руки полотенцем, повернулась ко мне. Посмотрела. Я посмотрел в ответ. Никаких слов, никаких прелюдий. Просто два тела, которые знают друг друга слишком хорошо, чтобы тратить время на лишние движения. Мы перешли в комнату. Она стянула футболку, я — джинсы. Всё происходило молча. Технично. Как алгоритм, который мы отработали сотни раз.

Я целовал её шею — потому что знал, что ей это нравится. Она проводила ногтями по моей спине — потому что знала, что это заводит меня. Но за всем этим не было ничего. Только механика. Поршень в цилиндре. Вдох-выдох. Её глаза были открыты, но смотрели куда-то в потолок. Мои — в стену за её плечом. Мы не смотрели друг на друга. Смотреть — значит видеть. А видеть нам было нечего. Только пустоту, которую мы пытались заполнить ритмичными движениями.

Она кончила первой. Я почувствовал это по тому, как напряглись её бёдра, по короткому выдоху — почти всхлипу. Раньше в этот момент она шептала моё имя. Теперь просто выдохнула. Я продолжил, потому что нужно было закончить. Физиология требует разрядки. Врачебная привычка — доводить начатое до конца. Через пару минут всё закончилось. Я скатился с неё, лёг на спину, уставился в потолок. Она молча встала и пошла в душ. Я слышал, как зашумела вода.

Ни слова. Ни прикосновения после. Ни взгляда.

Раньше после секса мы лежали, переплетаясь ногами, и говорили о всякой ерунде. Или молчали, но это была тёплая тишина, наполненная присутствием друг друга. Сейчас тишина холодная. Как в операционной. Всё стерильно, правильно, но безжизненно.

Я лежал и думал: вот так мы теперь занимаемся любовью. Нет, не любовью. Сексом. Для здоровья. Чтобы сбросить напряжение. Как таблетка от головы. Принял — полегчало на время. Побочные эффекты: пустота, стыд и привкус металла во рту.

Яна вышла из душа, завернулась в полотенце, села на край кровати и начала расчёсывать мокрые волосы. Я смотрел на её спину — узкие лопатки, родинка под правой, — и не чувствовал ничего. Ни нежности, ни злости, ни желания. Ноль. Плоская линия на кардиомониторе.

Она легла, отвернувшись к стене. Я встал, надел боксеры и пошёл на кухню. Закурил. Руки дрожали — не от страсти, от сигарет. Или от осознания, что мы превратились в машины, которые имитируют близость, не испытывая её.

Сейчас я сижу с ноутбуком и пишу это. 23:18. Первый день лета заканчивается. Я не бросил её. Не бросил курить. Но я приготовил пасту, и она улыбнулась. Один раз. А потом мы трахнулись, как два робота, выполняющих программу.

И это, наверное, самое честное, что было, между нами, за последние полгода.

Завтра на смену. Двадцать четыре часа в скорой. Чужие инфаркты, чужие слёзы, чужая кровь. Это почти отдых.

План на завтра: выжить на работе. Не думать о ней слишком много. Не курить в машине (там камеры, штраф).

План на лето: пока под вопросом.

2 июня, вечер. Запах её волос

Смена. Двадцать четыре часа в ритме сирены. Только что вернулся, руки ещё пахнут антисептиком, в ушах звенит от чужой боли. Яна спит. Я сижу на кухне с ноутбуком и пытаюсь разложить этот день по словам, пока он не рассыпался на отдельные кадры: лицо бабки с инсультом, перекошенное, как сломанная кукла; парень с передозом, синий, с пеной у рта; женщина, рожаящая в пробке на МКАДе, и её крик, перекрывающий вой сирены. Обычная суббота.

Утром мы вышли вместе. Молча. Кофе в термосах, бутерброды в контейнерах. В машине Саня уже прогревал движок. Яна села сзади, я — на переднее. Как тогда, до всего. Только теперь, между нами, не полгода профессиональной дистанции, а полтора года общей жизни и полгода войны.

Первый вызов — бабушка, 78, подозрение на ОНМК¹. Типичная хрущёвка, пятый этаж без лифта, запах кошачьей мочи и старости. Пока я осматривал, Яна уже мерила давление, ставила катетер, командовала родственникам: «Полотенце, воду, документы быстро». Мы сработались до автоматизма. Она ловила мой взгляд и понимала без слов: адреналин, кислород, носилки. Бабку отвезли, передали в приёмный. В машине Яна молчала, глядя в окно. Я тоже.

Второй вызов — передоз. Парень лет двадцати, в грязной квартире, друзья разбежались. Скорая, полиция. Яна спокойно, без эмоций, набрала налоксон, ввела. Парень дёрнулся, закашлялся, открыл глаза. «Жить будешь, — сказала она. — Но недолго, если не завяжешь». Он попытался что-то ответить, но она уже отвернулась, заполняя карту. Я смотрел на её руки — уверенные, быстрые, без дрожи. На работе она другая. Здесь нет места её лжи, её чужим кроссовкам, её сообщениям «скучаю». Здесь она — фельдшер, лучший, кого я знаю. И я ненавижу, что люблю её именно такой.

Третий вызов — роды. Пробка на выезде из города, женщина в истерике, муж рядом белый как мел. Яна вдруг засмеялась — коротко, нервно — и сказала: «Спокойно, не вы первые, не вы последние». Приняли прямо в машине. Крики, кровь, а потом — детский плач, тонкий, как звон разбитого стекла. Яна держала младенца, завернутого в стерильную пелёнку, и улыбалась. Настоящей улыбкой, не той, что она дарит мне по утрам — вежливой, дежурной. А той, от которой у меня когда-то подкашивались ноги. Она посмотрела на меня, и на секунду между нами не было ни обид, ни ревности, ни чужих кроссовок. Только мы, скорая и этот кричащий комочек жизни.

Потом мы сдали пациентку в роддом, вышли на улицу. Яна закурила, прислонившись к машине. Я встал рядом.

— Красивый пацан, — сказал я.

— Ага. И орёт знатно.

— Весь в меня.

Она фыркнула, выдохнула дым и вдруг сказала:

— Помнишь, как ты орал, когда в себя пришёл?

¹ острое нарушение мозгового кровообращения

Я не сразу понял. А потом вспомнил: реанимация, трубка в горле, паника. Я пытался сорвать маску, и Яна держала меня за руки.

— Помню, — ответил я. — Ты сказала: «Тише, придурок, ты не на войне».

— А ты сказал: «Я на войне, просто не помню, с кем воюю».

Мы замолчали. Тогда это была шутка. Сейчас — диагноз.

Остаток смены прошёл в рутине: давление, температура, уколы, утешения. К вечеру я чувствовал себя выжатым, как тряпка. В машине по дороге домой Яна задремала, уронив голову на моё плечо. Я не стал двигаться. Её волосы пахли дымом, антисептиком и чем-то родным — ванилью. Тем самым запахом, который я вдыхал три года и который до сих пор действовал на меня сильнее любого наркоза.

Дома она сразу пошла в душ. Я разогрел вчерашнюю пасту. Ели молча, но не враждебно. Усталость притупляла обиды, как анестезия. Потом она сказала: «Я спать». И ушла в комнату.

Я думал, всё. Но через полчаса она вышла на кухню, где я сидел с ноутбуком. Встала сзади, положила руки мне на плечи. Я замер. Она наклонилась, уткнулась носом в мою шею. Молча. Я чувствовал её дыхание, тёплое, чуть влажное после душа. Пахло ванилью. Я повернул голову, наши губы встретились. Не как у роботов. Как у людей. Медленно, с паузой, с вопросом.

Мы перешли в комнату. На этот раз было иначе. Не страсть, но что-то похожее на нежность. Я целовал её плечи, живот, родинку под правой лопаткой. Она гладила мои волосы, не торопя. Мы двигались медленно, как в воде. Я смотрел ей в глаза. Она смотрела в мои. Это было не про здоровье. Это было про то, что мы ещё живы. Что под слоем льда ещё теплится что-то, похожее на любовь. Или на её тень.

Потом мы лежали. Она положила голову мне на грудь, и я вдыхал запах её волос. Тот самый. Ваниль и дым. Я гладил её по спине, а она молчала. Я хотел сказать что-то важное, но не знал что. Слова казались лишними. Они всё портят. Лучше просто лежать и дышать.

Она уснула первой. Я ещё долго смотрел в потолок. Сегодня был хороший день. Мы спасли бабу, приняли роды, не поссорились. И даже трахнулись не как роботы. Почти как раньше.

Но я знаю, что это ничего не меняет. Завтра я снова залезу в её телефон. Она снова соврёт, где была. Мы снова будем курить молча, как два раненых зверя. Потому что трещина никуда не делась. Мы просто залили её воском на одну ночь.

Но пахнет она всё ещё ванилью. И пока я чувствую этот запах — я не могу её бросить. Даже если в моих планах на лето написано обратное.

3 июня, ночь. Планы, которых нет

Выходной. Целый день вдвоём. Раньше это было праздником. Теперь — испытание. Мы как два актёра, которых заперли в одной гримёрке и заставили играть счастливую пару без сценария. Импровизация у нас получается плохо.

Утро началось с кофе и молчания. Яна сидела на подоконнике, поджав ноги, и смотрела в телефон. Я делал вид, что читаю новости. На самом деле просто скроллил ленту, не вникая. Мы не разговаривали, но это было не враждебное молчание. Скорее, усталое. Как после долгой смены, когда нет сил даже на злость. В комнате пахло вчерашним дымом и её ванильным шампунем. Я поймал себя на том, что снова вдыхаю этот запах, как наркоман, и разозлился на себя. Зависимость. Самая постыдная форма любви.

Около полудня она вдруг отложила телефон и спросила:

— Артём, а у тебя вообще есть какие-то планы на это лето?

Я чуть не поперхнулся кофе. «Планы на лето». Мои два пункта, записанные в заметках. Бросить её. Бросить курить. Они вспыхнули в голове, как неоновая вывеска. Я пожал плечами.

— Не знаю. Работа, наверное. А у тебя?

Она вздохнула и начала перечислять. Ленка зовёт в Питер на выходные в июле. Ещё какая-то девица с работы собирает компанию на сплав по реке в августе. Мать просит приехать помочь с огородом. Я слушал и кивал, как болванчик. В её планах на лето было всё что угодно, кроме меня. То есть я там подразумевался по умолчанию — как чемодан без ручки, который таскают с собой, потому что жалко выбросить. Но она не сказала: «Мы могли бы съездить на море». Или: «Давай куда-нибудь выберемся вдвоём». Только общие тусовки, куда меня можно взять как приложение.

— А ты чего молчишь? — она посмотрела на меня с вызовом. — Тебе вообще интересно?

— Интересно, — соврал я. — Сплав — это круто. Поезжай.

Она поджала губы. Я знал этот жест. Он означал: «Ты снова отстраняешься, и я не буду тебя уговаривать». Раньше она бы надулась, начала бы выяснять отношения, мы бы поругались, а потом помирились в постели. Теперь она просто отвернулась к окну и закурила. Механизм сломался. Нам обоим стало лень даже ссориться.

Я ушёл в спальню, лёг на кровать и уставился в потолок. Трещина в углу, которую мы так и не зашпаклевали. Тянется от люстры к окну, как географическая карта нашего распада. Я думал о её вопросе. Планы на лето. Какие, к чёрту, планы, если я не знаю, проснусь ли завтра с желанием продолжать этот фарс?

Вечером мы всё-таки поговорили. Вернее, она говорила, а я слушал. Это случилось после ужина — я снова готовил, на этот раз гречку с грибами, потому что паста надоела. Яна сидела за столом, ковыряла вилок и вдруг выдала:

— Знаешь, что меня бесит? Ты никогда ничего не предлагаешь. Я тащу на себе все наши планы, а ты просто плывёшь по течению. Как будто тебе всё равно, будем мы вместе или нет.

Я отложил вилок. Внутри что-то щёлкнуло — не злость, а усталость. Усталость от того, что я должен постоянно доказывать свою вовлечённость, когда она сама полгода назад сидела на этой же кухне с чужим мужиком и смотрела на него так, как больше не смотрит на меня.

— А ты предлагаешь? — спросил я тихо. — Кроме Ленкиных шашлыков и сплавов с чужими людьми. Что ты предлагаешь нам?

Она замолчала. Я видел, как дёрнулся уголок её губ — она хотела что-то сказать, но передумала. Вместо этого она встала, взяла пачку сигарет и вышла на балкон. Я остался за столом, глядя на её недоеденную гречку. Разговор закончился, не успев начаться. Как всегда.

Сейчас ночь. Яна спит. Я сижу на кухне с ноутбуком и пытаюсь сформулировать то, что не смог сказать ей в лицо. Может, если я напишу это здесь, станет легче. Или хотя бы понятнее.

Вот мои планы на лето. Настоящие. Не те два пункта из заметок — это скорее крик отчаяния, а не план. Настоящие планы — это то, что я хотел бы сделать, если бы у нас всё было нормально. Если бы не было чужих кроссовок, проверенных телефонов и разбитой кружки.

1. Съездить с ней на море. Не в Питер с Ленкой, не на сплав с чужими. Вдвоём. Снять домик у берега, просыпаться под шум волн, есть черешню на завтрак и никуда не спешить. Я никогда не видел её в купальнике на пляже — только в форме или домашней одежде. Хочу увидеть, как она жмурится от солнца и входит в воду, осторожно пробуя ногой.

2. Покрасить стены в этой квартире. Мы три года живём с ободранными обоями в коридоре и пятном от вина на потолке в кухне (это я в Новый год неудачно открыл шампанское). Хочу купить нормальную краску, заклеить плинтусы малярным скотчем и сделать это вместе. Чтобы был повод поругаться из-за выбора цвета, а потом смеяться, перемазанные в краске.

3. Перестать проверять её телефон. Это даже не план — это мечта. Я ненавижу себя за то, что делаю. Каждый раз, когда она выходит в душ, а телефон остаётся на столе, у меня начинает чесаться рука. Я держусь минуту, две, пять. Потом срываюсь. Ищу переписки, смотрю время последнего входа, проверяю, кому она ставила лайки. Это унижительно. Это делает меня тем, кем я никогда не хотел быть. Я хочу перестать. Но не знаю как.

4. Научиться снова с ней разговаривать. Не о работе, не о быте, не о планах на выходные. О том, что внутри. Я хочу спросить: «Что ты чувствуешь, когда смотришь на меня?» И услышать честный ответ, даже если он будет страшным. Я хочу рассказать ей, как я испугался, когда очнулся в реанимации и не увидел её сразу. Как я боялся, что она не придёт. И как выдохнул, когда она вошла в палату с дурацкими ромашками. Я никогда ей этого не говорил. Может, зря.

5. Бросить курить. Серьёзно. Не для галочки, а потому что я врач и знаю, что делаю со своими лёгкими. Потому что хочу проснуться утром и не хвататься за пачку, как за спасательный круг. Потому что хочу почувствовать её запах, а не запах табака, который перебивает всё.

6. Понять, люблю ли я её ещё. Или просто боюсь одиночества. Это самый сложный пункт. Я смотрю на неё спящую и чувствую одновременно нежность и пустоту. Где грань между любовью и привычкой? Между желанием быть с человеком и страхом остаться без него? Я не знаю. Я надеялся, что лето даст ответ.

Вот такой список. Шесть пунктов вместо двух. Ни один из них не записан в заметках телефона. Они только здесь, в этом дневнике, который никто никогда не прочтёт. Может, поэтому я могу быть честным.

Я перечитал написанное и понял: половина этих планов зависит не от меня. Море, стены, разговоры — для этого нужна она. Её желание. Её встречное движение. А она сегодня сказала: «Ты никогда ничего не предлагаешь». Но когда я предлагал — она не слышала. Или не хотела слышать. Мы застряли в петле взаимных обвинений, как заезженная пластинка.

Я закрываю ноутбук. Завтра на смену. Там проще. Там есть чёткие протоколы: если давление падает — адреналин, если остановка сердца — дефибриллятор. А здесь, в отношениях, никаких протоколов нет. Только ты, она и тишина, в которой тонут все несказанные слова.

Я зашёл в спальню. Яна спала, свернувшись калачиком, лицом к стене. Я лёг рядом, не касаясь. Закрыв глаза. Запах ванили всё ещё держался в комнате. И я снова вдохнул его, как приговор.

P.S. Только уснул — звонок с подстанции. Старший фельдшер просит поменяться сменами: у Кости дома форс-мажор, ему нужно завтра быть с ребёнком. Я согласился. Значит, завтра я не на смене, а дома. С Яной. Ещё один день в этой тишине. Не знаю, рад я или нет.

4 июня, вечер. Воскресная тишина

Воскресенье. Я должен был сегодня работать, но вчера ночью поменялся с Костей. Теперь моя смена — завтра, а сегодня я дома. С Яной. Целый день. Раньше я бы обрадовался лишнему выходному вместе. Теперь не знаю, что чувствую.

День, который мы когда-то любили. Раньше мы специально менялись сменами, чтобы выходные совпадали. Спали до полудня, валялись в постели, смотрели дурацкие видео, заказывали пиццу. Тишина тогда была уютной, как старое одеяло. Она обволакивала, а не давила.

Сегодняшняя тишина другая. Она звенит. Как в операционной перед разрезом, когда все уже готово, но скальпель ещё не коснулся кожи. Мы проснулись одновременно — редкое совпадение. Яна лежала на своей половине кровати, я на своей. Между нами — полметра простыни, которая за ночь сбилась в складки, как нейтральная полоса. Никто не потянулся первым. Никто не сказал «доброе утро». Мы просто лежали и смотрели в потолок, слушая, как за окном орут вороны и где-то далеко лает собака.

Я встал первым. Пошёл на кухню, сварил кофе. Закурил у окна. Смотрел, как дворник метёт вчерашний мусор, как старушка с тележкой медленно идёт к остановке. Обычная жизнь. У людей есть планы, дела, заботы. А у нас — только это воскресенье, которое нужно как-то прожить.

Яна вышла через полчаса. Взяла свою кружку (у нас теперь разные кружки — её с кактусом разбилась, она купила новую, с дурацкой совой), налила кофе и села на подоконник. Закурила. Мы курили в тишине, каждый в своём углу, как два часовых на посту. Я думал: «Скажи что-нибудь. Спроси, как спала. Предложи прогуляться». Но слова застревали в горле. Казалось, что любое слово нарушит хрупкое равновесие, и всё рухнет.

Я попытался занять себя делами. Помыл посуду, оставшуюся со вчера. Протёр пыль на полках — Яна вечно забывает, а у меня аллергия на пыль. Разобрал ящик с инструментами, который собирался разобрать уже полгода. Всё это — под аккомпанемент тишины. Она перемещалась по квартире, как третье действующее лицо. Сидела на диван с книгой (я заметил, что она уже час читает одну и ту же страницу). Вставала, шла на кухню за водой. Возвращалась. Мы сталкивались в коридоре, обменивались дежурными «извини» и расходились, как корабли в тумане.

В какой-то момент я не выдержал и включил музыку. Поставил какой-то случайный плейлист — что-то инструментальное, без слов, чтобы не раздражало. Яна не отреагировала. Может, ей тоже было легче, когда тишину заполняли чужие ноты.

Я думал о том, как мы дошли до этого. Раньше воскресная тишина была наполнена смыслом. Мы могли молчать часами, но это было совместное молчание. Она читала, положив голову мне на колени. Я смотрел фильм в наушниках, а она водила пальцем по моей руке. Мы были вместе даже в тишине. Теперь мы вместе только в пространстве. А внутри — каждый сам по себе.

В середине дня случилась странная вещь. Я сидел на балконе с очередной сигаретой (я сбился со счёта, сколько их было за день), когда Яна вдруг вышла и встала рядом. Молча. Просто стояла и смотрела на парковку. Потом протянула руку и взяла у меня сигарету — свою она оставила в кухне. Сделала затяжку, вернула. Я принял, как эстафетную палочку. Мы курили одну на двоих, передавая туда-сюда. И в этом было что-то до боли родное. Как в первые месяцы, когда мы только съехались и у нас была одна пачка на двоих, потому что денег хватало впритык.

— Помнишь, как мы курили на крыше? — спросила она тихо.

— Помню.

— Ты тогда сказал, что хочешь бросить.

— Я до сих пор хочу.

— И я хочу. Только не курить. А.... не знаю. Чего-то другого.

Я посмотрел на неё. Она смотрела вдаль, шурясь от солнца. Профиль, который я знал до каждой чёточки. Родинка на скуле, чуть оттопыренное ухо, которое она всегда прятала за волосами. Я хотел спросить: «Что ты хочешь бросить? Меня? Эту квартиру? Эту жизнь?» Но не спросил. Побоялся ответа.

Она докурила, затушила окурок о перила и ушла обратно в комнату. Я остался стоять, глядя на серый окурок в пепельнице. Докурил свой. Вернулся.

Вечером мы смотрели какой-то фильм. Я даже не запомнил названия — что-то про ограбление, с погонями и стрельбой. Яна сидела на другом конце дивана, поджав ноги, и грызла ноготь — привычка, которая появилась у неё в последние месяцы. Раньше она так не делала. Я хотел взять её за руку, но не решился. Боялся, что она отдёргнет. Или, что хуже, не отдёргнет, но я почувствую, как она напряглась.

Фильм кончился. Яна выключила телевизор и сказала: «Я спать». И ушла. Я остался в гостиной один. Тишина вернулась. Теперь она была абсолютной. Ни музыки, ни голосов из телевизора, ни звука её шагов. Только холодильник гудит, да вода в трубах шумит.

Я сижу и пишу это. Воскресенье кончилось. Мы не поругались. Даже почти поговорили. Но это ничего не изменило. Мы как два аквариума, стоящие рядом. Видим друг друга сквозь стекло, но не можем прикоснуться. И тишина между нами — это вода, в которой мы оба тонем, делая вид, что плывём.

Завтра понедельник. Смена у меня, у неё выходной. Я почти рад, что не придётся целый день сидеть в этой звенящей пустоте. На работе проще. Там есть шум, движение, чужие жизни, которые нужно спасать. Там я знаю, что делать. А здесь, в этой квартире, я теряюсь. Я не знаю, как спасти нас. Или себя.

Я закрываю ноутбук. Иду в спальню. Яна уже спит — или притворяется. Я ложусь на свою половину, смотрю в потолок. Трещина всё та же. Завтра будет новый день. Может, в нём будет меньше тишины.

5 июня, ночь. Остывший кофе

Понедельник. Смена. Та самая, которую я поменял с Костей. Будильник заорал в 6:30. Я нашарил телефон, выключил, полежал ещё минуту, глядя в потолок. Трещина всё та же — тянется от люстры к окну, как кардиограмма умирающего сердца. Рядом зашевелилась Яна — перевернулась на другой бок, натянула одеяло до ушей, что-то пробормотала во сне. Я встал, стараясь не шуметь, и пошёл на кухню.

Кофе, сигарета, быстрый душ. Обычный ритуал перед сутками. Вода в душе была еле тёплой — опять что-то с бойлером, надо вызывать мастера, но руки не доходят уже месяц. Я стоял под слабой струёй и думал о том, как много в нашей жизни вещей, до которых «не доходят руки». Починить кран. Зашпаклевать трещину. Поговорить. Просто сесть и поговорить, без претензий и взаимных обвинений. Но руки всегда заняты другим — работой, сигаретами, телефоном, мыслями, которые крутятся по кругу.

Я уже натягивал форму, когда на кухню вышла Яна. Заспанная, в моей старой футболке с надписью «Скорая — не работа, а диагноз» (та самая, которую я когда-то подарил ей на годовщину, и она носила её с гордостью), волосы торчат в разные стороны. Молча потянулась к чайнику. Я в этот момент резал бутерброд — хотел взять с собой, потому что в столовой на подстанции кормят отвратно: вечно пересоленная гречка и сосиски сомнительного происхождения.

— Ты хлеб купил? — спросила она хрипло, открывая хлебницу.

Я замер с ножом в руке. Хлеб. Точно. Она вчера вечером, перед сном, когда я уже выключал свет, сказала: «Завтра хлеб кончится, купи по дороге». Я кивнул, думая о чём-то своём, и забыл. Весь день в воскресной тишине я мыл посуду, разбирал инструменты, курил на балконе, пытался читать новости — а про хлеб не вспомнил. Казалось бы, мелочь. Но в отношениях, которые трещат по швам, мелочей не бывает. Каждая забытая просьба — это гвоздь в крышку гроба. Каждое невыполненное обещание — доказательство того, что тебе плевать. Так она это воспринимает. И, наверное, так оно и есть — плевать. Не на хлеб. На неё. На нас. На всё, что когда-то было важным.

— Забыл, — сказал я, не оборачиваясь. Голос прозвучал глухо, как из бочки.

— Ну, конечно. Ты всегда всё забываешь.

В её голосе не было злости. Скорее, усталая обречённость. Как будто этот чёрствый батон, которого нет, был последней каплей в череде моих бесконечных провалов. Я повернулся. Она стояла у открытой хлебницы и смотрела на меня. Глаза ещё сонные, но уже с тем самым выражением — «ты снова меня подвёл». Я его ненавижу. И боюсь. Потому что оно возвращает меня в тот день, когда я вернулся с температурой и увидел чужие кроссовки. Тогда у неё тоже было такое лицо — не виноватое, а усталое. Как будто это я заставил её искать утешение где-то на стороне.

— Я куплю вечером, — сказал я примирительно, хотя внутри уже закипало.

— Вечером мне уже не надо. Я хотела позавтракать.

— Сделай без хлеба. Или сходи в магазин, тут пять минут. Ты же всё равно дома.

— Ты обещал.

Вот оно. «Ты обещал». Три слова, которые запускают цепную реакцию. Я мог бы извиниться, и всё бы закончилось. Просто сказать: «Прости, дурак, забыл, сейчас сбегая». Но вместо этого я сказал то, что вертелось на языке уже несколько месяцев, то, что я твердил про себя каждый раз, когда она просила о чём-то мелком, а я думал о большом — о той трещине, которая разрослась до размеров пропасти.

— А ты обещала, что у нас не будет секретов. Но у тебя они есть.

Тишина. Яна замерла с чашкой в руке. Посмотрела на меня — не зло, а как-то устало, даже обречённо. Так смотрят на человека, который снова начал старую песню, хотя все уже знают слова наизусть.

— Ты опять начинаешь? В шесть утра? Перед твоей сменой?

— А когда? Вечером ты уже спишь или делаешь вид, что спишь. Ночью ты в телефоне. Днём мы делаем вид, что всё нормально. Когда мне начинать, Яна? Назови время. Я запишу в календарь. Понедельник, с 19:00 до 19:30 — разговор о наших отношениях. Вторник — выходной, потому что ты устала. Среда — у тебя настроения нет. Четверг — я работаю. Пятница — опять что-то не то. Суббота — шашлыки у Ленки, не до разговоров. Воскресенье — тишина. Так и живём.

Она поставила чашку на стол. Медленно, очень медленно, как будто боялась разбить. Потом взяла пачку сигарет, вытащила одну, закурила. Сделала затяжку, выпустила дым в потолок. Я смотрел, как дым поднимается и растворяется в утреннем свете.

— Я не хочу ссориться, Артём. У тебя смена. Иди.

— Конечно. Удобная позиция. «Иди». И всё останется как есть. Ты не хочешь говорить о том, что было. Ты вообще не хочешь говорить. Ты хочешь, чтобы я просто забыл. Чтобы мы делали вид, что ничего не случилось. Но я не могу забыть. Я каждый день вижу тебя и думаю: с кем ты переписываешься, когда отворачиваешься? О чём думаешь, когда смотришь в окно? Что ты чувствуешь, когда мы трахаемся — что-то или ничего?

— А ты? — она вдруг повысила голос, и я увидел, как в её глазах блеснули слёзы. — Ты хочешь снова спросить про того парня? Про чужие кроссовки в коридоре? Я тебе сто раз сказала: ничего не было. Ты хочешь услышать что-то другое? Что я спала с ним? Этого ты ждёшь? Чтобы я призналась в том, чего не было, лишь бы ты успокоился?

Я молчал. Потому что да. Где-то глубоко, в самой тёмной части меня, я ждал именно этого. Потому что правда — даже самая страшная — лучше, чем эта бесконечная неизвестность. Лучше, чем проверять её телефон и чувствовать себя параноиком. Лучше, чем подозревать каждое её слово и каждый взгляд. Если она скажет: «Да, я спала с ним», — это будет точка. Конец. Можно будет уйти и не оглядываться. А если скажет: «Нет, не спала», — я не поверю. Потому что доверие сдохло в тот день, когда я увидел её глаза, смотрящие на другого мужчину с тем самым блеском.

— Я жду правды, — сказал я тихо. — Любой. Но ты не даёшь мне даже её.

Она затушила сигарету о край пепельницы. Резко, с хрустом. Окурок сломался пополам.

— Знаешь что? Иди на свою смену. Спасай людей. У тебя это хорошо получается. А нас ты спасать не умеешь.

Она развернулась и ушла в спальню. Хлопнула дверью — не сильно, но достаточно, чтобы я почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Я стоял на кухне с недоеденным бутербродом в руке. Кофе остыл. Я вылил его в раковину, взял сумку и вышел. В подъезде закурил, хотя обещал себе не курить до вечера. Плевать.

На подстанцию приехал за десять минут до начала смены. Костя уже ждал в ординаторской — невысокий, коренастый, с вечно взъерошенными волосами и добродушной ухмылкой. Работает водителем уже лет пятнадцать, повидал всякого. Говорит, что после Чечни его ничем не удивишь, но я видел, как он отворачивается, когда везём тяжёлого ребёнка.

— Ну что, Артёмыч, готов спасать человечество? — он хлопнул меня по плечу.

— Как обычно.

— Видок у тебя, конечно, не очень. Опять не спал?

— Да нормально всё, Кость. Поехали.

Яна сегодня не в моей бригаде — у неё выходной. Со мной едет Марина, фельдшер лет сорока пяти, спокойная, как танк, и циничная, как патологоанатом. С ней легко — она не лезет в душу, делает свою работу и курит в форточку, пока едем на вызов. Сегодня она села сзади, я спереди. Машина тронулась.

Первый вызов — женщина, 62 года, гипертонический криз. Типичная панелька на окраине, запах жареного лука и старых вещей. Пациентка лежала на диване, испуганная, с красным лицом и расширенными зрачками. Рядом суетился муж — маленький, лысоватый, с трясущимися руками. «Она у меня давление никогда не мерит, а тут голова закружилась, я померил — двести на сто двадцать!» Я осмотрел, Марина сняла ЭКГ, поставила катетер. Магnezия, капотен. Женщина постепенно расслаблялась, цвет лица становился нормальным. Муж всё повторял: «Спасибо, доктор, спасибо». Я смотрел на них и думал: они вместе лет тридцать, наверное. Он трясётся над ней, она ворчит на него, но в глазах — забота. Не показная, настоящая. Почему у нас так не получается?

Второй вызов — пневмония у мужчины сорока лет. Кашель, температура под сорок, одышка. Живёт один в съёмной студии, на столе — грязная посуда, в углу — пустые бутылки из-под пива. Запустил себя. Пока я слушал лёгкие (жёсткое дыхание, хрипы слева), Марина мерила сатурацию — 89%. Кислород, дексаметазон, госпитализация. Мужчина хрипел и матерился, но в машине затих, закрыл глаза. Я смотрел на его осунувшееся лицо и думал о том, как легко человеку остаться одному. Вот так живёшь, работаешь, а потом раз — и никого. Никто не вызовет скорую, не подаст воды, не подержит за руку. Может, я потому и держусь за Яну? Не из любви, а из страха перед такой вот пустой студией и грязной посудой?

Третий вызов — пьяная драка. Двое мужиков что-то не поделили во дворе жилого дома. Один с рассечением брови, второй с подозрением на перелом носа. Полиция уже на месте. Пока я обрабатывал рану первому, второй орал, что «он первый начал». Марина спокойно вправила ему нос (он взвыл, но быстро заткнулся) и наложила холод. Стандартная субботняя ночь, только сегодня понедельник. Люди пьют и дерутся независимо от дня недели. Я смотрел на их перекошенные злобой лица и думал: мы с Яной не дерёмся, но наша война страшнее. У нас нет синяков, зато есть слова, которые бьют сильнее кулаков. И эта война никогда не заканчивается миром — только временным перемирием до следующей ссоры.

В перерыве заехали на подстанцию. Я вышел покурить на задний двор, где обычно собираются водители. Костя уже стоял там с сигаретой.

— Ну как смена?

— Обычно.

— Слушай, Артём, — он замялся, — я, конечно, не лезу, но ты какой-то дёрганный в последнее время. С Яной что-то?

Я затаился, выпустил дым. Костя — хороший мужик, он не сплетник. И, наверное, единственный, кто может понять. У него самого два развода за плечами.

— Не знаю, Кость. Вроде вместе, а вроде и нет. Как в одной квартире живём, а как чужие.

— Ну, это знакомая песня. У меня со второй женой так же было. Сначала любовь-морковь, а потом — каждый сам по себе. Только когда развелись, я понял, что уже года два как не вместе, а просто соседи.

— И что делать?

— Не знаю, брат. Кто-то мирится, кто-то расходится. Но тянуть не советую. Чем дольше тянешь, тем больше потом.

Он затушил сигарету и пошёл к машине. Я остался стоять, глядя на облупленную стену подстанции. «Чем дольше тянешь, тем больше потом». Я знаю это. Я врач, я каждый день вижу, что бывает, когда запускаешь болезнь. Сначала небольшое воспаление, потом хроническая форма, потом — некроз. Ампутация. Мы с Яной уже на стадии некроза. Но я всё равно тяну.

Четвёртый вызов — бабушка, 84 года, подозрение на инсульт. Живёт одна, вызвала соседка, которая пришла проведать. Бабушка лежала на кровати, лицо перекошено, речь невнятная. Пока я осматривал, она пыталась что-то сказать, но получалось только мычание. В глазах — страх и беспомощность. Я взял её за руку: «Всё будет хорошо, мы отвезём вас в больницу». Она сжала мои пальцы с неожиданной силой. Я вдруг подумал: вот так и мы с Яной. Пытаемся что-то сказать друг другу, но получается только мычание. И никто не возьмёт за руку и не скажет, что всё будет хорошо.

В машине бабушке стало хуже — давление упало, сознание поплыло. Марина колола допамин, я следил за монитором. Довезли до приёмного, передали реаниматологам. Когда вышли на улицу, Марина закурила и сказала:

— Не вытянет, наверное. Возраст.

— Может, и вытянет. Бабка крепкая.

— Может.

Мы помолчали. Я смотрел на серое небо, на облезлые деревья больничного парка, на людей в белых халатах, спешащих по своим делам. Жизнь и смерть здесь ходят рядом, как старые знакомые. И наша с Яной маленькая война кажется такой незначительной на фоне этого. Но она моя. И она разъедает меня изнутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.